

оэтическое творчество — это в большинстве своем сочетание нескольких уже известных читателю тем. При этом — а мы говорим о талантливой поэзии — увлекает и покоряет оно именно новизной. Уж кажется: все обо всем гениально и шедеврально написано. А прочтешь:

Тишину и покой посылая к чертям,
от любви и печали сгорая,
я летел по земным и воздушным путям
в направлении мнимого рая...

— или:

...Тепло родного очага
и боль мою забуду вскоре,
как забывает берега
река, впадающая в море...

— и счастливо улыбаешься, понимая, что это не так. Или вот эти строки:

Когда на перроне сухая листва шелестит,
а наши слова и надежды растрочены попусту,
Земля одиноко в осеннее небо глядит,
как женщина смотрит вслед уходящему поезду...

По-моему, удивительные образы... И уже хочется полюбопытствовать, а что там дальше. О чем пишет автор, что дорого ему? Какие строфы раскрывают в Валентине Нервине утонченного лирика или любящего сына своей земли?

Валентин Нервин

Вот, например, тема Родины. Тема, от которой, наверное, никуда не деться, ни за кого не спрятаться. Да и как, если у русского человека понятия «родина» и «мать» — идентичны. Вот они, строки нервинской гражданской лирики:

...Я часть моей страны —
загульной и былинной —
и часть ее любви,
не знающей границ...

.....
С высоты человеку виднее —
как в широкоформатном кино —
жизнь
и то, что мы сделали с нею,
со страной
и с собой заодно...

Автор не скрывает своих переживаний за судьбу взрастившего его Отечества, сегодня испещренного язвами беззакония и алчности, бесчестия и вседозволенности.

...Россия пропахла вокзалом,
где мы провожали, встречали...

<...>

А мы в привокзальном буфете
сидим посредине Отчизны,
как будто никто не в ответе
за все инвалидные жизни.

И звучащее в стихах «мы» считается как понимание поэта своей, личной вины — и причастности к тому, чем и как сейчас живет наша Родина. Но и над этой «пропахшей вокзалом», с «инвалидными» поломанными жизнями страной при очевидном «перевесе» минора и тьмы светит солнце, глядит в окна, слепит яркими лучами. А человеческие души озаряются тихим светом лирики:

Любовь начинается, как листопад,
кончается — пуще неволи:
наивные листья покорно летят,
как желтые ангелы боли...

.....

...Если жизнь — это лишь ожидание
невозможного, то, уходя,
на прощание, как на свидание,
подари мне улыбку дождя.

Наверное, вряд ли есть поэты, способные обойти в своем творчестве собственную жизнь, — и Валентин Нервин, конечно же, не исключение. Но уверена, что в одном согласится со мной немало людей: многим поэтам в трудную минуту их бытия помогает именно слово. Слово, выплескиваемое вместе с болью, любовью, отчаянием... Которому они служат, не ожидая взамен ничего, но получая главное — поддержку и силу.

Автобиографичность — это всегда раскрытие, и это не может не подкупать:

Я жил сомнительно и слепо —
дороги побоку вели,
но молния упала с неба,
а тишина — из-под земли...

А еще — виртуозное владение словом и безупречное умение считать, например, природу, густо сдабривая ее всякий раз новыми образами:

Бомжует осень во дворе,
с годами наравне...

.....

...Куда подевалась осенняя хмарь? —
Амуры кучкуются на перекрестке
и даже совсем одичалый фонарь
подмигивает симпатичной березке...

.....

Под занавес Лета Господня
тепло не дается в кредит.
На русской равнине сегодня
рассерженный воздух гудит...

Не знаю, как другим читателям, а мне хочется помахать рукой кучкующимся амурам и одичалому тополю или успокоить «рассерженный воздух», запустив в этого буку непоседливым солнечным зайчиком...

А как же идет Валентину Нервину — поэту, по его же словам, «счастливому по определению» — юмор! Например, вот это четверостишие:

...Над миром светает, и время не «глючит»
которое тысячелетие кряду;
но что ваша Ева еще отчебучит,
когда вы пойдете по райскому саду?..

Или:

Если мир устроить набело —
без наветов и химер —
каждый будет вроде ангела,
даже муха, например.
Станут все морально стойкими,
благодушными сполна
и за нами с мухобойкою
будет бегать сатана.

И так ярко вспыхнула перед глазами эта «веселая картинка», что подумалось тут же: «Нет уж, дудки! Пусть все остается как есть, чтоб за нами никто не бегал, норова прибить: этим вполне успешно овладели некоторые смертные... И пусть бы мы оставались грешными, чтобы жила в нас всегдашняя потребность в покаянии».

А наветы и химеры, мне так думается, давно уже проросли в наше земное жизнеустройство — и это вопреки им в том числе мы крепнем и растем духовно, поднимаемся и движемся вперед.

